

Светлана
ДЕМИДОВА

Отдай мне мужа!

Светлана Демидова

Отдай мне мужа!

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6283449

Демидова С. Отдай мне мужа! : роман : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64449-0

Аннотация

«Твой муж должен быть моим! И он будет моим, а ты умрешь – раз не желаешь добровольно уйти с нашего пути!» – повторяла Анна точно заклинание. И четко следовала плану, который они разработали вместе с Германом. И Ева, сводная сестра Анны и жена Германа, была бы стерта с лица земли, если бы не вмешательство неведомых сил Судьбы. В результате Ева снова замужем, а Анна... Что же с Анной? Ведь не может столь кипучая натура просто так сдаться...

Содержание

Часть первая	5
Анна	5
Игорь	61
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Светлана Демидова

Отдай мне мужа!

Заглядывая в прошлое, мы отыскиваем тот роковой момент, когда русло нашей жизни безнадежно повернуло в сторону, момент начала необратимого движения в новом гибельном направлении. Перемена может быть случайной или следствием целенаправленных действий; мы оставляем за собой счастье и горе и устремляемся – еще не ведая о том – к еще большему горю. И назад пути нет. Это может быть миг, когда мы чуть-чуть повернули руль автомобиля, переглянулись с кем-то, произнесли фразу; это может быть длинный день, неделя или сезон мучительных сомнений, когда руль многократно поворачивается из стороны в сторону, и незначительные в отдельности события накладываются одно на другое.

Часть первая

Это был последний вечер уходящего года, сырой и мрачный, когда туман, размывая очертания предметов, многократно усиливает тревогу.

Анна

Она все же не выдержала! На это, разумеется, и был расчет, но она сломалась раньше, чем я предполагала! Даже несколько обидно. Я слишком долго готовилась к этому дню. Конечно, можно было бы просто прийти и сказать ей: «Мы с твоим мужем любовники, – и еще добавить: – Уже давно». Результат был бы тем же самым, но мне хотелось растянуть ее мучения хотя бы на час, раз уж мы наконец решили, что пора поставить ее в известность. Конечно, какой-то час – ничто по сравнению со всей моей жизнью, но я собиралась сгустить ее страдания так, чтобы ей захотелось выкупить этот час собственной смертью. Это, кстати, многое упростило бы, не надо было бы мудрить. Но поскольку в людях слишком силен инстинкт самосохранения, делать ставку на суицид глупо, а потому лучше все же претворить в жизнь детально разработанный план. Первый пункт уже выполнен на «отлично». Нет, я не маньячка. Я не пытала ее каленым

железом. Я не угрожала и даже не травила ядом слов. Я излучала доброжелательность и полное приятие существующего порядка вещей. Я была лучезарна и празднична, как и подobaет под Новый год. Но я делала все, чтобы она окончательно уверилась в том, что мы с ее мужем любовники. Конечно, она догадывалась об этом и раньше. Чаще всего жены вычисляют любовницу в первом же приближении. Возможно, в качестве компенсации обманутым супругам свыше дается особое чутье, позволяющее улавливать взаимные интимные эманации любовников, и видение, как у ночных хищников, дающее возможность разглядеть эфемерные связующие нити. Правда, некоторые не желают не только видеть эфемерное, но отрицают даже и очевидное. Может быть, так проявляется любовь – люблю, а потому принимаю все. Или эгоизм – этот человек мой в любых обстоятельствах.

Вряд ли она умеет любить. Она с раннего детства привыкла принимать любовь и поклонение. Те, которые много берут, как правило, не любят возвращать заем. А ей и вовсе не надо было напрягаться. Уходили одни кредиторы, так и не сняв с ее души сливок ответной приязни, а на их еще не простывшее место тут же заступали другие. Ее всегда все любили. Я, конечно, понимаю почему, но мне все равно странно, как можно покупаться на взгляд, который выражает только одно – дай! Дай денег, шмоток, внимания, сочувствия, утешения, любви; жертвуй своим положением, своими интересами, своим временем; наступай на горло своим желаниям,

забывай об обязанностях, и тогда за все тебе будет бесценная награда – ее благосклонность.

В общем, она не могла не догадываться о моей связи с ее мужем и, по его словам, даже бесконечно истерила, но безличностно. То есть как бы вообще. Слишком большим ударом по самолюбию было бы признать, что муж изменяет ей со мной. Она всегда оставалась доброжелательной и изысканно вежливой, но всем своим видом давала понять, что никаких перспектив у меня нет, поскольку я всего лишь блажь, а настоящая его любовь – она. Я делала вид, что ничего не читаю в ее взгляде. Она делала вид, что верит в это. Мы обе лицедействовали, приседали во взаимных реверансах, но с каждым новым поклоном ненавидели друг друга все сильнее и болезненней.

Когда ее муж предложил мне встретить Новый год втроем: мы с ним и она, – я согласилась не сразу. Мне показалось, что это будет до того натужно и искусственно, что мы в конце концов осатанеем и перегрызем друг другу глотки. Он сумел убедить меня, что в нашей ситуации это всего лишь очередная ступень к свободе, что нужно взять себя в руки, не сатанеть, а продумать свое поведение до мельчайших подробностей и играть, как на сцене. Поразмыслив над его предложением, я нашла в нем больше плюсов, чем минусов, и отправилась в универмаг, чтобы выбрать подарок для его жены. Людям с достатком выше среднего найти достойный подарок очень трудно – у них все есть. Но мне надо было не

столько порадовать женщину, сколько раздражить. И я купила ей ожерелье с кристаллами Сваровски. Оно было шикарным, выглядело очень богато, но я знала, что она никогда его не наденет. Не только потому, что оно от меня. Снобизм не позволит ей украсить себя модными блестячками вместо бриллиантов. В ее окружении это моветон.

Когда я вышла из лифта, сразу услышала крики. Они проникали на лестничную площадку даже сквозь массивную двойную дверь. Я догадывалась, что скандал уже разгорелся и наверняка из-за меня. Собственно, это тоже входило в наши с ним расчеты. Конечно, она не хотела меня видеть, но не могла не пускать на порог своего дома. Не было к тому объективных причин. Внешне мы были с ней в прекрасных отношениях.

Я нажала на кнопку звонка. Его мелодичный перелив заставил скандалящих замолчать. Потом послышался звук открываемых замков. Я приготовилась увидеть унылую физиономию Елены, их домработницы, но весь дверной проем загородил своим мощным телом мой любовник. При одном взгляде на него, на эту прекрасно вылепленную фактуру, возникало желание и у менее искушенной женщины.

Он пропустил меня в просторный холл своей квартиры. В свете ярких светильников его лицо оказалось не просто красным, а багровым. Да-а-а... похоже, он неплохо выступил на разогреве. Очень достоверно. Теперь наступила моя очередь. Я взглянула ему в глаза. В них плескалась ярость. Мне

стало несколько не по себе. Не перегнул ли он палку? Не переактерствовал ли? Она не должна прямо сейчас вышвырнуть меня вон... Еще не время...

– Все! С меня хватит! – оглушающе крикнул он и, открыв створку шкафа, вытащил свое щегольское пальто. – Я умываю руки! Разбирайтесь здесь сами!

После этого он подмигнул мне. Я вздрогнула. Дурашливое, клоунское подмигивание совсем не шло человеку, которого, казалось, вот-вот хватит апоплексический удар, или, говоря современным языком, разобьет инсульт. Я, замерев на месте, не могла сообразить, как лучше среагировать на это. Он пожал плечами, накинул пальто и вышел из квартиры, выразительно хлопнув сначала одной дверью, потом другой. Через несколько минут в коридоре появилась его жена. В отличие от мужа, она казалась абсолютно спокойной. Любой тут же уверовал бы в это спокойствие, но я знала ее очень хорошо. Трепещущие ноздри и биение голубоватой жилки на виске выдавало и ее смятение. Тем не менее она приветливо поздоровалась со мной и даже подставила щеку, которой я не могла не коснуться своей щекой. Ритуал был соблюден.

Я махнула рукой в сторону входной двери и спросила:

– Что тут у вас происходит?

– Не обращай внимания! – отозвалась она. – Проветрится и вернется. Не станет же он встречать Новый год на улице или в машине. Проходи...

Очередной раз удивившись отсутствию домработницы, я вынуждена была сама повесить свою шубу в шкаф. Плечи мои закрывал тонкий ажурный шарф. Я решила снять его в комнате, когда мы, как две светские дамы, расположимся в креслах друг против друга. И я сделала так, как задумала. Ее ноздри опять дрогнули, когда я сняла свой ажур и бросила его на спинку дивана. Не отреагировать на мой новогодний туалет она не могла. Я явилась к ней в платье от Ирэн Панкратовой. Панкратова шьет для очень узкого круга лиц. Эти самые лица платят ей за каждый наряд бешеные деньги, чтобы у нее не было желания расширять клиентуру. Пробыться к Ирэн, которая на самом деле – обыкновенная толстая Ирка, без протекции нет никакой возможности. Мне сделал протезе муж моей визави. Это было ясно как день.

Не узнать Иркино платье нельзя. Она всегда делала на правом плече крохотную вышивку со своим вензелем – И.П. По желанию заказчицы буквы могли быть выполнены в тон платью или, наоборот, нитями, контрастными по цвету. Носить на плече панкратовский логотип было очень престижно, но хорошим тоном считалось – делать его не слишком бросающимся в глаза. Я наплевала на условности и попросила вышить мне буковки серебристым шелком, мотивируя тем, что платье – новогоднее, а значит, может быть несколько вызывающим. Вызывающим было и глубокое декольте, и высокий разрез на боку. Глубокий синий цвет очень шел к моим серым глазам, добавляя им голубой оттенок. Витое серебряное

колье с жемчужинкой гармонировало с серебристым вензелем на плече. Я нравилась себе в этом наряде.

Она сразу заметила логотип Ирэн. Не заметить его было невозможно, поскольку он являлся единственным украшением платья очень простого, но безупречного кроя. Ей бы удивиться и спросить, как я познакомилась с Панкратовой, но она этого не сделала, поскольку сразу просчитала варианты и все поняла правильно. Ее щеки мгновенно порозовели, как бывало всегда, когда она сталкивалась с чем-то неприятным и раздражающим. Еще ей явно не понравилось, что я была свидетельницей супружеской размолвки. Тем не менее она постаралась остаться приветливой и гостеприимной. Она сразу предложила мне кофе, поскольку до праздничного застолья было еще далеко. Я отказываться не стала. Высокий старинный кофейник из серебристого сплава, три фарфоровые чашки, одна из которых, конечно же, предназначалась ушедшему мужу, и вазочка с сухим печеньем уже стояли на низком столике в гостиной. Из носика кофейника струился пар.

– У тебя отличный кофе, – сказала я, отхлебнув из крошечной, почти прозрачной чашечки. – Правда, последнее время я любила пить кофе с корицей. И еще хорошо бы посыпать перцем чили. Чуть-чуть, для особого аромата. Ты не пробовала?

Я отлично знала, что она никогда не стала бы пробовать такой напиток, поскольку последнее время у нее вдруг по-

явилась аллергия на корицу. Кофе с корицей и чили любил ее муж. Он пытался и меня к нему приучить, но безрезультатно. Я предпочитала классический вариант, но его жене необязательно об этом знать.

Я видела, как дрогнула ее рука, и чашечка даже чуть пристукнула о блюдце. Мой очередной удар попал точно в цель, но она все еще держалась достойно: красиво улыбнувшись, поднялась с места и достала из встроенного в стену бара две изящных никелированных мельницы: одну – с перцем, другую – с пряностями. Я тоже улыбнулась. Но не ей. Своему знанию того, где в их квартире стоят эти мельницы.

– Я люблю простой кофе, но ты можешь насыпать себе и корицы, и чили, – сказала она.

Я перебухала чили, но пришлось выпить, не морщась. Хорошо, что в такой посудине кофе всего на три глотка.

Потом мы говорили о разных пустяках, но я чувствовала, как в ней растет напряжение. Она немного шурилась, как делала всегда, когда обстоятельства требовали от нее повышенного внимания. Она явно искала в моих словах потаенный глубинный смысл, ждала подвоха, и я, решив, что настала пора вознаградить ее ожидания, спросила:

– Чем собираетесь заниматься в рождественские каникулы? Куда-нибудь поедете? В какой-нибудь круиз? В горы? На море?

Она так съежилась в стильном кресле, что мне на минуту даже сделалось ее жалко. К счастью, минуты истекают быст-

ро, и потому я моментально справилась с собой. Мне ли жалеть? Ее ли? Да я буду очень довольна, если она прямо на моих глазах выпьет яду кураре. Даже не подумаю выбивать роковой сосуд из ее рук! Впрочем, откуда ей взять кураре? Яды вообще не так-то просто раздобыть.

Пока она раздумывала, как лучше мне ответить, я, небрежно развалившись в кресле, но сумев при этом выставить вперед плечо с вензелем Панкратовой, чтобы он мозолил ей глаза, лениво произнесла:

– А я третьего числа уезжаю в Альпы. Думаю, что заслужила пару недель отдыха. А то все работа да работа... Надо и о здоровье подумать... Ты ж помнишь, я всегда любила лыжи...

Я отлично знала, что она уже больше никогда не совершит ни одного путешествия вместе с мужем. Она же знала только то, что в рождественские каникулы ее супруг собирался поехать на какие-то деловые переговоры во Францию. Альпы, конечно, довольно протяженная горная система, но она уже сложила в уме два и два: Альпы и Францию. Получила – Куршевель. Я могла бы поручиться, что она видела у мужа билет на самолет именно на третье января. Возможно, даже вспомнила, что он взят до Гренобля, где находится ближайший к Куршевелю аэропорт. Во всяком случае, от ее лица отхлынула краска, что говорило: я на верном пути. Ее бледность, пришедшая на смену излишней розовости щек, недвусмысленно указывала на то, что она находится в

самом смятенном состоянии. Стоило продолжить ковать железо, пока оно горячо, и я с большим воодушевлением собралась это делать дальше. Домашних заготовок у меня было еще много, но воспользоваться ими не пришлось. Бледное лицо моей собеседницы приобрело серый оттенок, и нежная бледно-розовая помада (ее любимый цвет) стала выглядеть на нем вульгарно-ядовитой. Она нервно сглотнула и очень тихо сказала:

– Ты зря так напрягалась. Можно было сказать открытым текстом – вы любовники. Ты же весь разговор строила так, чтобы я перестала сомневаться в этом. А я уже и так... давно не сомневаюсь.

Я сочла за лучшее промолчать, но победной улыбки сдержать не смогла. Она моментально отреагировала, поскольку терпеть не могла моих улыбок. Люди улыбаются, когда им хорошо, а с ее точки зрения, мне априори не должно быть хорошо. Я всегда должна быть лишь бледной ее тенью, которой не стоит вылезать на солнечный свет.

– Ты, наверно, думаешь, что он тебя любит... – некрасиво кривя рот, произнесла она, а потом без всякой связи с предыдущей фразой крикнула в глубь квартиры: – Елена! Принеси клубники! Я просила тебя купить! И... И убирайся, наконец.

Я по-прежнему молчала, но про себя отметила, что домработница нынче ведет себя весьма странно. Жена моего любовника тоже больше не произнесла ни слова до тех пор, пока Елена не принесла блюдо из знакомого мне чешского сер-

виза розового фарфора, полное крупной клубники, две таких же розовых глубоких розетки и две изящные вилочки для ягод.

– А где сливки? – все так же громко крикнула она, хотя домработница стояла рядом. – Ты же знаешь, что я люблю клубнику со сливками. И ложки принеси. И сахар.

Елена, женщина лет сорока с некрасивым длинным лицом, вышла и через пару минут вернулась с подносом, на котором стояло все, что потребовала хозяйка.

– И вот так во всем. Ничего не помнит, все забывает. На что мне такая домработница? – Она обращалась ко мне, но я понимала, что вопрос риторический, а потому очередной раз смолчала. Ее отношения с домработницами, которых она меняла чуть ли не каждый сезон, меня не касались.

– В общем, так! – она опять обратилась к Елене. – Доделай все, что от тебя требуется: салаты там... пирог... И чтобы больше я тебя никогда не видела в моем доме! Расчет ты уже получила, включая сегодняшний день, так что... – И она сделала рукой жест, который давал понять бедной женщине, что ей лучше побыстрее убраться подальше от раздраженной хозяйки.

Елена все так же безмолвно вышла из гостиной.

– В баре есть какое-то вино, – сказала жена моего любовника, накладывая себе клубнику и поливая ее сливками. – Если хочешь, плесни себе. Там стоят и фужеры...

Я не хотела, а потому не двинулась с места. Она отправила

в рот ягодку клубники и начала:

– Так вот: я давно не сомневаюсь... Давно...

Потом ее вдруг будто прорвало, и она начала кричать так громко, что домработница не могла не слышать ее голоса в дальних комнатах. Мне это понравилось. Пусть Елена знает, как надрывается ее бывшая хозяйка. Уволенной женщине это будет очень приятно.

– Вы думали, что я полная кретинка, да?! Да ты же наверняка специально поливала его пиджак своей туалетной водой! Ты ведь все делаешь специально! Мне ли не знать запаха этой воды, если ты ее полюбила после того, как я тебе ее в первый раз подарила! Я! Тебе! Но ты не умеешь быть благодарной...

Последнюю фразу она произнесла невнятно, поскольку решила заесть ее клубникой. Я не собиралась ей возражать. К чему? Ну... да... Да! Эту воду действительно она мне как-то подарила. Ну и что? Мало ли кто кому чего дарит... Не одна я пользуюсь ароматами Нины Ричи... Правда, в данном случае это тоже играло мне на руку. Конечно, он приносил ей мой запах!

– Да, мы любовники, – сказала я. – И очень хорошо, что ты теперь это твердо знаешь.

Она принялась сосредоточенно мять в розетке ягоды, будто собиралась сделать из них пюре.

– Слушай, а зачем ты... то есть вы с ним... оба... все это... – она помахала в воздухе рукой, и кольца на ее пальцах

засверкали своими камнями, – делаете? Любовники обычно скрывают свои отношения. Не будешь же ты утверждать, что муж собрался меня бросить ради... ради тебя...

Она выставила в мою сторону палец с длинным перламутровым ногтем. В ее взгляде я прочитала брезгливость. Мой ответный взгляд был не хуже. Кроме брезгливости, которую она у меня тоже вызывала, я постаралась вложить в него еще и жалость. Сейчас она действительно была жалка, поскольку начала уже заметно нервничать. Ее точеный носик покраснел, пальцы дрожали. Ей наверняка хотелось выпить любимого виски, что она часто делала, когда замечала, что ситуация выходит из-под контроля, но сейчас я не дам ей спрятаться в дурман!

– Думаю, что именно это он и собирается сделать, – спокойно произнесла я, глядя прямо в ее глаза.

Она часто-часто заморгала, будто собиралась заплакать. Так обычно у нее начиналась истерика. Как же она предсказуема! Я могла бы поспорить, что сейчас она начнет повышать голос до самых высоких истеричных нот.

Она действительно принялась кричать, все больше и больше распаляя себя:

– Даже не рассчитывай, что у тебя что-то выйдет! Он... он... всего лишь... мужик! А они все такие... Чего только не обещают любовницам... лишь бы они... лишь бы те... лишь бы ты... А ты и купилась! Идиотка! – Она самым отвратительным образом расхохоталась. – Он никогда... Никогда!

Слышишь! Ничего у тебя не выйдет!

Я медленно расстегнула сумку и вытащила круглый бархатный футляр винно-красного цвета. Так же, не спеша, я открыла крышечку. В специальных выемках, обтянутых черным шелком, покоились массивные золотые серьги и кольцо с бриллиантами. С настоящими, а не с кристаллами Сваровски, на которые я, похоже, зря выбросила деньги. В сложившейся ситуации уже невозможно преподнести ей колье.

Камни моих кольца и серег были не крупными, но чистой воды. Они испускали голубоватые искры и казались светящимися. Она знала, что я никогда не могла бы позволить себе купить столь дорогие украшения. Такими бриллиантами не мог бы меня порадовать ни один мой поклонник из числа тех, кого она знала. Ее муж – мог. Она поняла это сразу и запустила в меня розеткой с клубничным пюре. Я легко уклонилась. Розетка упала на диван. На желтую сатиновую обивку вылилась розовая сливочно-клубничная масса. Мокрое, склизкое пятно обезобразило диван. Ее лицо тоже было безобразно.

– Убира-а-а-айся!! – крикнула она мне. Потом набрала в грудь воздуха и завопила еще громче, очевидно, чтобы слышала в кухне и Елена: – Все убира-а-а-айтесь! И как можно быстрее-э-э-й!

Она поднялась с дивана и, не глядя на меня, вышла из комнаты. Это меня вполне устраивало. Моя миссия в ее доме была выполнена.

Возле входной двери мы столкнулись с Еленой. Она взяла за ручку чемодан на колесиках. Лицо ее было абсолютно непроницаемым. Ни за что нельзя было бы сказать, что она сейчас испытывает: унижение, сожаление или, может быть, облегчение. Я подумала, что ежедневно сходила бы с ума, если бы по моему дому разгуливала подобная мумия. Пожалуй, ее и надо было уволить, чтобы не свихнуться от одного ее вида. Впрочем, это меня не касается. У меня полно своих забот и проблем. Я так долго изображала в доме моего любовника непоколебимое спокойствие и уверенность в себе, что теперь, когда уже не надо притворяться, на меня накатил неприятная слабость. Мне вдруг стало холодно в моем голом платье, несмотря на то что сверху я уже надела мутоновую шубку. Подняв воротник, я на минуту задержалась на площадке, раздумывая, не сбежать ли мне вниз по лестнице, чтобы не ждать лифт вместе с этой мертволицей домработницей. Но именно в это время кабинка услужливо распахнула свои двери прямо передо мной. Из лифта вышел мужчина и столкнулся с Еленой. Пока они рассыпались друг перед другом в извинениях, я сделала шаг вперед, двери за мной закрылись, и я поехала вниз. Без Елены. Кто она такая, чтобы я ее ждала? Никто.

На улице мне удалось почти сразу поймать такси. Обычно в праздничный день это сделать почти невозможно. Хороший знак. Пусть все сложится так, как мы задумали. Я назвала адрес, и машина повезла меня к отелю «Альтаир», где мы

договорились встретиться с Бусем. Да, я так его звала. Это прозвище, однажды слетев с моих губ, закрепилось за этим человеком в моем сознании намертво. Сначала он возражал. Еще как! Он, правая рука владельца фирмы, один из ее директоров – и вдруг какой-то Бусь. Разве не смешно? Разве не унижает его достоинство? Но я не собиралась уступать. Смеясь, я объяснила ему, что Бусь – это вовсе не то же самое, что вульгарный Бусик. Бусь – это Бусик в превосходной степени! Бусь – не чья-то правая рука, а глава всех Бусиков, Пусиков и Дусиков, вместе взятых. Бусь – это круто!

То, что я так и продолжала называть любовника Бусем, несмотря на его недовольство, оказалось самой верной тактикой в поведении с ним. Ему уступали все, кроме жены, но она брала другим – нудежом и капризами. Кроме того, она была наследницей огромного состояния отца, в ее руках были и деньги, и акции компании. Бусю приходилось принимать ее такой, какой она была.

Думаю, что он имел любовниц и до меня. Наличие любовниц не только норма в среде бизнесменов, но является еще как бы негласным пунктом морального кодекса их поведения. Любовница – это естественно и правильно, когда у мужчины много денег. Женщины Буся, конечно, соглашались на все условия богатого и красивого мужчины. Одна я выбивалась из общего ряда, поскольку ни на какие уступки ни в чем не шла. Бусь устроил мне по этому поводу несколько сцен, но я осталась тверда, и он смирился с тем, что мой

характер оказался сильнее, чем у всех его знакомых женщин. Он довольно скоро привык и к своему прозвищу, поскольку, как выяснилось, никто и никогда ранее не называл его никакими ласковыми именами. Его мать была человеком сухим и строгим и не позволяла себе опускаться до сюсюканья с сыном, из которого растила настоящего мужчину. Остальные его женщины не могли даже помыслить о том, чтобы назвать высокого и широкоплечего красавца уменьшительным именем. А он теперь иногда даже подписывал мне эсэмэски: «Твой Бусь». Это прозвище еще более сблизило нас, наши отношения стали теплее и сентиментальнее. Нас объединяло нечто такое, чего он не имел никогда с другими женщинами – особый интимный язык, понятный только нам двоим.

Жену Буся я даже в мыслях давно уже не называла по имени. Только – она. Я особым образом произносила это местоимение, когда говорила о его жене. Бусь с ходу понимал, о ком пойдет речь. Она – это была обезличивающая кличка, низводящая ее до уровня женщины из толпы.

Я провела рукой по намокшему меху шубы. Да... погода не новогодняя. Лучше было бы, конечно, надеть пуховик. Его и мочить не жалко, и удобнее в нем, но шикарное платье от Панкратовой никак не вязалось с обыденной одежкой. Шуба у меня, конечно, не норковая, но очень ладная, будто специально на меня сшитая. Одеваясь дома, я представляла, как небрежным движением плеч сброшу ее на руки Елены... Впрочем, сбросить не удалось... Да и где теперь та Елена...

Такси остановилось.

– Пробка... – односложно пробасил таксист, приятный седовласый мужчина.

Я посмотрела в окно. В ярком свете праздничной новогодней иллюминации было видно далеко вперед. Вся улица действительно была запружена машинами. Похоже, мы остановились надолго. Впрочем, это даже хорошо. Хоть какая-то иллюзия деятельности: я еду навстречу судьбе и всего лишь переживаю пробку. В номере отеля без Буся мне было бы очень неудобно. Он собирался приехать к одиннадцати. Пока до встречи с ним – уйма времени. Когда мы встретимся, первым делом он, конечно же, потащит меня в постель. Хочется мне этого или нет, он даже не удосужится спросить, поскольку уверен, что я только и жду соития с ним. Впрочем, я еще не встречала мужчин, которые не были бы уверены, что все женщины в любой миг и час готовы к совокуплению. Именно с ними. С другими-то, может, и не готовы и не хотят, а с ними, такими мачо, – всегда и сразу.

Был ли Бусь мачо? Внешне – да: высокий, огромный, но не грузный, а подтянутый, с легкой, стремительной походкой. Он понравился мне сразу, когда я увидела его в первый раз в фирме отца, куда зашла за лекарством от мигрени, которое папочка для меня купил в Штатах. Бусь в этот момент читал какие-то бумаги, сидя в отцовском кабинете за столом для переговоров. На его руке блестело обручальное кольцо, но я огорчилась этому не слишком. Люди, живущие бизне-

сом, ревностнее, чем представители других социальных слоев, придерживались определенного дресс-кода: строгий темный костюм, светлая рубашка, изящный компактный кейс от Dominiko Vakka из кожи питона, стоимостью, сравнимой, пожалуй, с ценой на отечественную машину «Ока». Обручальное кольцо на пальце удачливого бизнесмена считалось такой же естественной и непреложной деталью, как галстук в тон костюма или рубашки. При этом окольцованный господин мог жить не с женой, а сразу с тремя любовницами, но на корпоративных мероприятиях и даже в некоторых деловых поездках ему по протоколу предписывалось быть с женой, как бы он к ней ни относился. При смене жены бизнесмены, возможно, даже не меняли одно кольцо на другое – к чему лишние траты. Деньги текут только к деньгам.

В общем, наличие у этого человека жены меня не слишком огорчило, но посмотреть на нее, конечно, очень хотелось. Интересно же, с кем придется соревноваться. К тому же нельзя было сбрасывать со счетов, что его супружеский союз все-таки мог в корне отличаться от тех, какие мне приходилось наблюдать ранее. Возможно, деловой партнер отца любит свою жену. Ну... любит... Пусть... Я слишком хорошо знаю, что это чувство не вечно. Он вполне может ее и разлюбить.

Очень скоро мне удалось увидеть жену Буся. На дне рождения отца. При воспоминании об этом у меня до сих пор сводит скулы. Его женой оказалась она. Она! Конечно! Разве

могло быть по-другому?! Все самое лучшее всегда доставалось ей. К тому времени мы с ней не общались уже несколько лет. Я знала, что она вышла замуж, но на свадьбе не была. Как отец ни уговаривал меня преподнести сестре в качестве свадебного подарка возобновление наших отношений, я не согласилась. Мне казалось, я вычеркнула ее из жизни навсегда. Да, она была мне сестрой. Сводной. По отцу. Я неоднократно хотела вычеркнуть из своей жизни и отца, но так и не смогла, сколько ни пыжилась. Я его любила. Любила, вопреки всему. Вопреки тому, что он бросил нас с мамой, когда мне было всего пять лет. Мама так и не смогла оправиться от этого удара. У нее всегда было слабое сердце, а разрыв с отцом сломил ее окончательно. Я помню, как она целыми днями лежала лицом к стене и не хотела ни с кем разговаривать. Пятилетней крохе очень нужна материнская ласка, но мама никогда больше так и не смогла быть со мной ласковой до самой своей смерти. Будучи еще совсем маленькой девочкой, я поняла: когда глаза женщины слишком глубоко опускаются в почерневшие глазницы, она уже никогда не сможет никого любить. Некоторые женщины не могут жить без любви. Такой была моя мама. Сначала у нее отняли ее любовь, а потом, через два года после юридического развода с отцом, оборвалась и ее жизнь. Официальной причиной смерти считался сердечный приступ, но я знала: ее своей нелюбовью убил отец. Как же я хотела его ненавидеть! Как хотела! И как ждала встречи с ним!

Несмотря на то что был снова женат, обо мне он никогда не забывал. Я жила с бабушкой, но он обязательно каждую неделю нас навещал. Бабушка была простой женщиной без особых затей. Мои переживания она называла страстями-мордастями и считала их вымороченными, искусственными страданиями гнилой интеллигенции, к каковой относилась и свою так рано умершую дочь. Она сделала все, чтобы как можно раньше выбить из головы внучки эту дурь, и очень в том преуспела. Когда мне было двенадцать лет и мои ровесницы начали влюбляться в мальчиков, я дала себе слово никогда и никого не любить. Я уже знала, что от любви можно и умереть ненароком. Я хотела жить. Я хотела стать такой, как отец.

– Поехали, – услышала я голос таксиста и посмотрела сквозь лобовое стекло. Вереница машин впереди нас действительно двинулась. В боковые стекла уже ничего нельзя было разобрать, так как они покрылись мелкой рябью дождя. В каждой маленькой капле дробился и преломлялся свет фонарей, блики новогодних гирлянд и автомобильных огней. Помню, что в детстве я любила смотреть на дождевики на стекле сквозь прищуренные глаза. Мир за окном сразу делался сказочно сверкающим, как страна хрустальных замков. Тогда еще, несмотря на бабкину науку, я все же оставляла один процент на возможность сказочных перемен в этом жестком мире. Например, отец однажды мог бы взять меня к себе жить... Но его жена очень скоро родила ему новую

дочку, и мое детство на этом закончилось. Я наложила вето и на бесплодные мечты. Бабуля оказалась права. Надо не мечтать, а жить сегодняшним днем и брать от него все, что только он может дать. Ни от кого не стоит ничего ждать. Никто никому ничего не должен. Каждый живет своим, и до чужого ему нет дела.

Если бы отец совсем забросил меня, наверно, это было бы лучше всего. Потеряв в детстве и его, я в конце концов привыкла бы к тому, что у меня нет родителей. Ведь смирилась же я со смертью матери. Но он продолжал каждую неделю приходить к нам. Ежемесячно отец давал бабуле деньги на мое содержание, но не очень много, за что она называла его жмотом и скупердям. А я всегда с восхищением смотрела на высокого, статного мужчину с седыми висками. Как часто бывает с абсолютными брюнетами, он поседел рано, но очень красиво. Помимо висков, у него была совершенно седой челка. Он зачесывал ее назад, но несколько серебряных прядей всегда картинно падали на лоб. Я с детства знала, что мужчина, которого выберу себе (а я уже тогда была уверена, что выбирать буду только я), обязательно будет статным брюнетом. Бусь таким и был.

Я взглянула на приборную доску такси. Было четверть седьмого вечера. Если все сложится, как мы задумали, через несколько часов меня ждет интим. Предновогодний. Потом он мне вручит еще какую-нибудь бархатную коробочку с золотом. Я не большая любительница украшений, но пусть они

у меня будут в качестве залога. Залога чего? Того, что этот мужчина останется со мной до конца. Он уже слишком много вложил в меня денег, а инвестиции обычно удерживают бизнесменов крепче любых обязательств. Да и вообще... мы теперь с ним связаны навсегда.

Я расплатилась с таксистом и быстрым шагом прошла к гостинице. Надо было всего лишь взобраться на невысокое крыльцо, но мое лицо и руки успели покрыться влажной паутинной. Когда же прекратится эта невыносимая морось?

Номер был заказан заранее. Молодая, но очень полная блондинка-портье вручила мне ключ.

Тревожное состояние, которое не покидало меня с момента ухода из квартиры сестры, усилилось перспективой долгого ожидания.

Встречаясь с Бусем, мы никогда не бывали в одном и том же месте два раза – всегда меняли гостиницы и отели, чтобы не намозолить глаза служащим. В «Альтаире» я еще не бывала никогда. Это был частный отельчик средней руки, который занимал всего лишь два этажа старинного здания на улице Рубинштейна в самом центре Питера. Номер выглядел мертвым и безликим, как больничная палата. Чистым, но уж очень невыразительным. Впрочем, тому, кто снимает номера в этом третьеразрядном отельчике, затерявшемся на узкой улочке в стороне от шикарных гостиниц Невского проспекта, вряд ли нужна выразительность. Большую часть номера занимала огромная кровать под голубоватым гобеле-

новым покрывалом. Я подумала, что гобелены – уже давно вчерашний день. Впрочем, вся эта гостиница являла собой яркий образец анахронизма. Мне показалось, что в номере даже пахнет так, как пахло в сундуке моей уже давно почившей бабули, где она хранила старую одежду, которую, как мне казалось, лучше было бы сразу выбрасывать. Но из сундука на помойку отправлялись нижние слежавшиеся слои и только тогда, когда сверху уже невозможно было что-то положить, поскольку сундук не закрывался.

Я подошла к окну, чтобы приоткрыть фрамугу. Вот! Даже стеклопакеты не удосужились вставить. Впрочем, мне нет до этого никакого дела. Я плюхнулась на кровать, прямо на туго натянутый гобелен и поморщилась, опять подумав о сексе. Не хочу!

Когда я первый раз увидела Буся, я хотела именно этого. Я мечтала заполучить его с потрохами. Кажется, моя мечта начинает сбываться... Что-то я не испытываю никакой радости... Скорее всего, мне просто нервно – и в этом все дело. Пройдет этот день, эта ночь и еще несколько дней – и все устроится так, как нам хотелось...

У Буся внешность победителя. В этом он похож на нашего с ней отца. У него волосы чуть светлее и совсем не тронуты сединой, не так высок лоб, но во всем остальном они были красивой парой – два хозяина жизни: тесть и зять. О том, что зять сильно уступает своему тестю, стало ясно только тогда, когда отец скоропостижно умер. Тоже от сердечного присту-

па. Как мама. Я тогда сразу подумала, что это расплата за нее. Отец был еще полон сил и энергии, на него продолжали заглядываться женщины всех возрастов, но однажды он был найден мертвым в своем рабочем кабинете. Его пальцы сжимали кофейную сигариллу (он их очень любил), рядом с телом валялась дорогая золотая зажигалка. Он собирался закурить – явно был не намерен прощаться с жизнью. Но получилось не так, как он рассчитывал.

Бусь оказался не столь хваток и дальновиден, как отец. Фирма, конечно, и сейчас продолжает приносить большой доход, но, думаю, только благодаря тому, что отец когда-то хорошо наладил дело. Бусь лишь снимает сливки, благо молока еще достаточно.

Мне всегда хотелось работать у отца, но он никогда не подпускал меня к себе близко. Возможно, он испытывал чувство вины перед моей рано умершей матерью и не хотел, чтобы я своим видом напоминала о ней. Я всегда чувствовала, что он меня не любит, а только выполняет свой отцовский долг. За всю жизнь он ни разу не обнял меня, не прижал к себе. Даже в мой день рождения отец ограничивался только холодным поцелуем в лоб. Когда была девочкой, мне часто снилось, как я иду одна по пустынной дороге, а впереди маячит едва различимая фигура. По мере приближения делается ясно, что мне навстречу идет отец. Я с радостным визгом срываюсь и бегу к нему, он тоже прибавляет шагу, и очень скоро мы бросаемся в объятия друг к другу. Отец поднима-

ет меня на руки, прижимает к себе и беспорядочно целует в щеки, лоб, подбородок. А я смеюсь, уворачиваюсь, а потом сама обнимаю его за шею и тоже начинаю целовать. Мы оба счастливы.

Не знаю, был ли когда-нибудь счастлив мой отец. Я – никогда. Ну... разве что в тот день, когда Бусь впервые остался у меня на ночь. Да... Тогда я наконец почувствовала и себя победительницей. Шикарный мужчина у моих ног. И не просто шикарный. У моих ног – ее муж. Он и сейчас у моих ног, но, как выяснилось, лучше бы было наоборот, то есть – я у его ног... Мне хотелось бы подчиняться и чувствовать себя за мужчиной, как за каменной стеной. Но таких жизнь мне никогда не посылала. Возможно, потому, что я всех своих мужчин всегда сравнивала с отцом, и все они перед ним проигрывали. Здорово проигрывали...

Отец всегда держал руку на пульсе моей жизни. В детстве он редко баловал меня игрушками и нарядами, но у меня всегда было вдоволь книг и учебников. У меня первой из моих приятельниц появился компьютер, а потом и мобильный телефон. Отец покупал для меня абонементы в театры и концертные залы. Мы ходили с ним по картинным галереям и всевозможным выставкам. Самыми счастливыми в моей жизни были зимние каникулы в десятом классе. Отец вывез меня тогда в Москву, чтобы познакомить с достопримечательностями столицы. Он был со мной сух и строг, как всегда, но я радовалась тому, что он со мной, а не с ней, со

своей другой дочерью, которую я уже тогда ненавидела.

Чтобы соответствовать красавцу-мужчине, с которым ходила по музеям Москвы, я тогда впервые накрасила губы бледно-сиреневой помадой, которую выпросила у подруги. Отец, увидев на моих губах помаду, тут же потащил меня в ванную и так долго тер мое лицо мочалкой, что содрал кожу на подбородке. Я не задавала лишних вопросов. Понимала: раз отцу не нравится, значит, не надо этого делать. Он вообще не церемонился со мной. Например, он запросто резким движением мог выбить из моей правой руки вилку, если я забывала, что в ней надо держать нож, когда ешь мясо. Думаю, я делала бы куда меньше ошибок, если бы правила хорошего тона преподавали мне с любовью. Но отец не умел любить. Никого. Возможно, это было главным несчастьем его жизни. Возможно, это неумение он передал по наследству своим дочерям: и мне, и ей. Но мы с ней не умели любить по-разному. Любят по-разному. Не любят, как оказалось, – тоже.

Что касается меня, то, может быть, дело и не только в наследственности. Я отдавалась ненависти к своей сестре с такой силой, что меня не хватало ни на что другое. Человеческие возможности не безграничны. Если одно чувство заполняет душу под завязку, другому просто нет в ней места. Бусь иногда застывал, вглядываясь в мое лицо, а потом неизменно спрашивал одно и то же:

– Ты меня любишь?

Я так же неизменно отвечала:

– Конечно.

Но он, видимо, чувствовал зыбкость наших отношений. Причину, правда, скорее всего, видел не во мне, а в том, что женат на другой. Я его не разубеждала.

Вот и сегодня он наверняка очередной раз задаст мне все тот же вопрос. И я отвечу... Впрочем, было бы кому ответить! Что-то его слишком долго нет...

Я взглянула на экран мобильного. Хотя я и отвлеклась на воспоминания, время все же ползло медленно. Но по-настоящему тревожиться рано. До одиннадцати все еще далеко. Может, заказать кофе с булочками? Последний перекус у меня был днем и тоже всего лишь кофе с бутербродом. Крошечную чашечку арабики с корицей и чили, что выпила у сестры, не стоит даже принимать в расчет. Может, заказать что-нибудь посерьезнее? Нет, есть мне не хочется. Разве что убить за едой время и хоть как-то снять нервное напряжение? Или принять душ? Возможно, он меня взбодрит. Кофе в этом отеле наверняка паршивый.

Душевая кабина в номере была далеко не новой. Она так же сверкала чистотой, как все вокруг, но стыки пластика пожелтели от времени и, видимо, уже не оттирались никакими моющими средствами. Я понимала, почему Бусь выбирал для наших свиданий подобные отельчики. Самое подходящее место для адюльтера. Никому не пришло бы в голову искать нас в подобных заведениях. Зять моего отца никогда не смог бы до них опуститься. Он даже шлюх должен был

бы (все по тому же протоколу) водить только в пятизвездочные отели. Что же до меня... В общем, Бусь понимал, что отец никогда не одобрит измену одной дочери с другой и вышвырнет его из совета директоров одной левой, потому он серьезно страховался и конспирировался. Теперь, когда отца уже нет в живых, Бусь своим привычкам не изменяет. Я не протестую, поскольку понимаю – это все еще правильно на данный момент. Береженого бог бережет. Наше время придет. Хочу думать, что уже пришло. Во всяком случае уже можно, пожалуй, и позвонить.

Я вытащила из сумки мобильник и набрала номер. Пока в ухо пищал зуммер, заметила, что ладонь почему-то взмокла, и пришлось сделать усилие, чтобы аппарат не выскользнул из нее холодной лягушкой. Надо признаться: я никак не ожидала, что буду нервничать до такой степени. Даже не знаю, стало бы мне легче, если бы никто не отозвался на мой звонок. Но трубку стационарного аппарата сняли. Женский голос жадно выкрикнул:

– Алло! – потом еще три раза то же самое со все нарастающей силой.

Я отключила трубку и вздохнула с некоторым облегчением. Как ни странно, но я обрадовалась тому, что все пока оставалось на своих местах. Это означало, что не пошел еще отсчет времени от того события, когда уже ничего нельзя будет повернуть назад. Пожалуй, можно немножко расслабиться. А не заказать ли все-таки кофе? Что-то как-то зябко...

Впрочем, нет. Сначала стоит послать сообщение и только потом согреться напитком...

Я принялась набирать текст. Мне казалось, что я почти успокоилась, но палец все время попадал не на те буквы. Потом вдруг почему-то сама собой включилась латиница. Я чертыхнулась, стерла английскую тарабарщину и тут заметила, что набираю текст на своем телефоне. Фу-ты! Спасибо латинице, а то отослала бы СМС со своего аппарата – и все коту под хвост! Заставив себя сосредоточиться и унять дрожь в пальцах, я достала из сумки другой мобильник и написала все, что нужно, правда, удалось мне это все равно только с третьего захода. Пальцы слушались плохо. Да что же это такое?! Кофе! Надо срочно выпить кофе! Станет легче!

Кофе принесла длинная тощая девушка в синем форменном платье и маленьком белом передничке. Я подумала, что она неплохо смотрелась бы на подиуме в каких-нибудь экстремальных туалетах от ведущих дизайнеров, но в отеле с подносиком в руках выглядела замороженной служанкой депотичных господ, которые кормили ее через два дня на третий.

Сделав с опаской один глоток, я с большим удовольствием выпила сразу полчашки. Кофе оказался превосходным. Круассан был в меру подогретым, с хрустящей поджаристой корочкой и нежным шоколадным кремом внутри. Я пожалела, что заказала только один. После перекуса по телу разлилось приятное тепло, руки перестали дрожать. Мне очень

захотелось позвонить по тому же номеру еще раз, но я не позволила себе этого сделать. Зачем мне туда звонить? Надо просто быть уверенной в том, что все идет по плану, и именно так будет идти дальше! А я могу пока со спокойной душой посмотреть телевизор.

На многочисленных каналах всюду резвились ненавистные мне юмористы. Их выступления прерывались почти одинаковыми рекламными роликами с Дедами Морозами, наряженными елками и бокалами с шампанским. Пощелкав кнопками на пульте, я отыскала канал, где шла «Ирония судьбы», и с прежним удовольствием погрузилась в события чуть ли не до каждой реплики знакомого фильма. Но как бы я ни старалась полностью раствориться в любовной истории Жени и Нади, на очередном возвращении в дом на улице Строителей Ипполита я вдруг почувствовала, как во мне опять начало нарастать напряжение. Само собой.

Шел десятый час. Я продолжила смотреть телевизор, но плохо понимала, что происходит на экране. Сосредоточиться на фильме было уже невозможно, и я, как механическая кукла, щелкала кнопками пульта в бесконечном режиме. Передо мной мелькали лица знакомых телеведущих, артистов, певцов. Я видела обрывки новостей, телесериалов, развлекательных программ. В конце концов праздничное телевещание слилось в одно абсурдистское шоу, которое грозило, как сейчас любят говорить, вынести мне мозг. Я выключила телевизор и заказала еще кофе.

Девушка с подносом в синем платье в этот раз показалась мне слишком игривой для ее угловатых форм, диктующих, как мне думалось, отстраненную сдержанность, кофе – жидким, а круассан – резиновым. Когда я неверной рукой вывалила себе на платье от Панкратовой шоколадный крем из нутра круассана, то поняла, что слишком нервничаю. Мне нужно было удостовериться, что события развиваются по плану. И поэтому я решила сделать еще один звонок.

Когда незнакомый мужской голос аллекнул мне прямо в ухо, я вздрогнула и закаменела. Там не должно быть мужчины! Там уже вообще никого не должно быть! Мне надо было бы сразу отключиться, но рука с мобильником будто приросли к уху. Мужчина повторил свое «Алло!» несколько раз и положил трубку, а я так и сидела недвижимо на кровати, прижимая к уху аппарат без всякой для себя пользы. Не без усилия оторвав телефон от уха, я с надеждой на то, что набрала чужой номер, уставилась на экран. Цифры некоторое время самым отвратительным образом прыгали перед глазами, потом как-то успокоились и замерли на своих местах. Стало ясно, что номером я не ошиблась. Это означало, что в наш детально разработанный план внедрилось нечто неучтенное, непредусмотренное и принялось разрушать его на том участке, где мы даже не могли предположить сбоя.

В 22.30 Бусь в отеле так и не появился. В 22.40 – тоже. С трудом поборов нервную дрожь, которая уже начала сотрясать все тело, я решила съездить к дому, откуда отозвался

голос незнакомого мужчины. Это не было предусмотрено ни планом «А», ни запасным – «Б». Приходилось на ходу менять пункты. Я вызвала такси. Ждать машину в номере у меня не было сил. Наскоро одевшись, я выбежала на крыльцо. Лицо сразу облепило паутиной мороси. В сумеречном тумане очертания расплывались, размывались, и я казалась себе затерявшейся в липкой бездне, заполненной влажной взвесью. Я вытащила мобильник. Захотелось позвонить Диме.

Дмитрий Иконников был другом Буся и отличным хирургом, что очень кстати как раз в этом случае, когда события начали выходить из-под контроля. Конечно, в предновогодние часы тридцать первого декабря Дима вряд ли находится в клинике, но мы с Бусем точно знали, что для любых больных, а тем более для друзей, он всегда готов был покинуть праздничный стол любой степени обильности. Дмитрий был прежде всего врачом и только потом семьянином, гражданином и проч., и проч., и проч. К тому же он ни при каких условиях не употреблял алкоголь. Его невозможно было уговорить или заставить выпить. Он так решил для себя еще в юности, когда учился в институте и подрабатывал медбратом в хирургических отделениях больниц. Этому однажды принятому решению он не изменял никогда.

Я замечала, что едва Иконников видел меня, у него сразу менялось лицо: делалось напряженным и беззащитным. Очевидно, я очень ему нравилась. И Бусь догадывался об этом, но нисколько не беспокоился на сей счет. Я была жен-

щиной друга, и Дмитрий никогда ничего лишнего в отношении меня себе не позволил бы. Во мне Бусь тоже был уверен. Доходы хирурга, даже имеющего свою клинику, не шли ни в какое сравнение с его собственными. Но даже если бы я презрела его материальную основательность, Иконников, художник, как его собственный хирургический скальпель, в вечном черном джемпере и одних и тех же потертых джинсах, с точки зрения Буся, никак не мог бы вызвать во мне ответного интереса. Не скажу, что не вызывал. Мне всегда импонировали увлеченные делом, аскетические мужчины, каковым, безусловно, являлся доктор Иконников. В нем самым удивительным образом сочетались деловая хватка бизнесмена, которая позволила ему сколотить средства на организацию собственной клиники, и способность к идущей от самого сердца благотворительности. Определенную часть своих доходов он то и дело передавал в разные фонды по реабилитации всякого рода больных. Иногда я даже подумывала о том, не сменить ли мне Буся на Иконникова, который неизменно вызывал во мне большое уважение, но тут же гнала от себя эти мысли. Моя ненависть к сестре требовала жертв, и я принесла в жертву Дмитрия. Именно муж сестрицы должен находиться в моей постели, и он будет в ней столько, сколько захочу я.

Кстати сказать, не исключено, что я просто идеализировала доктора Иконникова, поскольку любой женщине всегда хочется верить в существование благородных рыцарей без

страха и упрека, особенно если эти рыцари оказывают им определенные знаки внимания, а потому всегда могут быть оставлены про запас, когда те, которые не слишком благородные, окончательно осточертеют.

Конечно, Бусь тоже был человеком дела, но не столько по складу характера, сколько ввиду сложившихся определенным образом обстоятельств. Думаю, если бы он сам был хозяином своей судьбы, то, скорее всего, выбрал бы профессию, связанную с автомобилями, которые очень любил и в которых разбирался настолько хорошо, что обычно устранял все неполадки в своей машине сам, никогда не пользуясь услугами сервиса, хотя сейчас уже мог бы позволить себе самого дорогого мастера в городе. В экономический институт его засунули родители, которых он в юности даже не помышлял послушаться. После его окончания Бусь тихо и мирно работал в экономической службе хлебобулочного завода, пока моя сестрица не заметила его на авторалли, куда случайно забрела от скуки вместе со своей приятельницей. Бусь там тоже присутствовал в качестве зрителя. Их места оказались рядом, и Бусь тут же на нее запал, что постоянно случалось с мужчинами, которым какое-то время приходилось находиться около нее. Никакая, даже самая яркая подруга никогда не могла перетянуть на себя внимание мужчин, если рядом была моя сестра. Я долго не могла понять, чем она их так притягивала, поскольку красавицей в полном смысле слова никогда не была. Сестра, в отличие от меня, не унасле-

довала от нашего отца ни стати, ни горделивой осанки. Она вообще больше походила на свою мать, Тамару Игнатьевну, внешне ничем не приметную маленькую женщину, все достоинство которой заключалось в бездонных голубых глазах миндалевидной формы. Скорее всего, наш отец прельстился даже не столько ее чудесными глазами, сколько ее «родословной» и связями. Отец Тамары был замминистра в министерстве черной металлургии, а мать работала редактором в журнале «Коммунист» и некоторое время даже заседала в Ленсовете. В те-то, советские времена! Конечно, это было серьезно. Вторая жена отца имела знакомства самые престижные и выгодные. К тому же она была по-своему довольно мудра и очень энергична. Ее связи помогли отцу занять должность директора института, где он тогда работал, а в перестроечное время – «перестроиться» так, что за довольно короткий срок он смог создать и возглавить частную производственную фирму. Тамара Игнатьевна оказалась жесткой женщиной и, умудрившись подчинить своей воле отца, чего до нее никому не удавалось сделать, все время подталкивала мужа к новым финансовым вершинам. Надо отдать ей должное: она помогла отцу поднять дело на такую высоту, что конкурирующие фирмы одна за другой закрывались, объявляя себя банкротами. Отец был обязан Тамаре Игнатьевне своими успехами в делах, многочисленными удачами в бизнесе и потому, как мне кажется, боялся поступать ей наперекор. Женщина с фантастически красивыми глазами, повед-

ками записной светской львицы и гнилым нутром сводни, сплетницы и приспособленки будто накинула на шею мужа петлю – теперь он ей вечно должен был быть благодарен. В случае неподчинения она с легкостью затянула бы эту петлю так, чтобы отец не смог ни пикнуть, ни вздохнуть. Боюсь, что при этом он лишился бы и своей фирмы, и шикарной квартиры, и всех тех благ, к которым привык и без которых себя уже не мыслил.

Сестрица была такого же невысокого роста, как Тамара Игнатьевна, но более хрупкая. Я терпеть не могу таких кукольных женщин, которые еще и специально делают все, чтобы казаться слабее, чем они есть на самом деле. У нее были длинные и тонкие пальцы, обтянутые полупрозрачной кожей, тонкая талия, длинная гибкая шея и густые, пышные золотисто-каштановые волосы. Сестра собирала их в небрежный узел на затылке. Из него во все стороны выбивались нежные, чуть курчавившиеся прядки, что придавало ее облику нечто воздушно-неземное. Глаза, как у матери, были необыкновенными: сильно удлинненными к вискам и удивительного лилово-голубого цвета. Под хорошеньким аккуратным носиком всегда изгибались в улыбке небольшие пухлые губки. Вся она, такая зефирно-карамельная, прозрачная и нежная, будто писанная акварельными красками по фарфору, разумеется, производила впечатление абсолютно беззащитной и безответной особы, что абсолютно не соответствовало действительности. Любой мужчина рядом с ней казался

себе и выше ростом, и шире в плечах. И каждого тут же тянуло на подвиги: защитить, уберечь, сразиться с каким-нибудь Соловьем-разбойником, победить и положить к ее ногам полцарства. Но она ни в чем половинном не нуждалась, поскольку ее царство было вполне полным. Наш с ней общий отец никогда ни в чем ей не отказывал. Сестра имела все то, чего была лишена я: платья в бесчисленном количестве, меха, дорогое белье, золотые украшения. Они втроем жили в шикарной четырехкомнатной квартире, тогда как мы с бабушкой ютились в однокомнатной, которая осталась нам после маминой смерти. На все мои недоуменные вопросы, которые я себе все-таки иногда позволяла задавать, отец отвечал, что мне он дал гораздо большее, чем сестре, а именно: умение выживать в жестокостях современного мира, делая акцент на главном и вечном, не размениваясь на пустяковое и сиюминутное. Но я, ни на минуту не задумываясь, променяла бы это свое умение, которого действительно у меня было не отнять, на ее норковую шубку, бриллиантовое ожерелье, хорошую квартиру и возможность в любое время отдыхать на лучших курортах мира. Я поменялась бы с ней именами, поскольку даже ее имя претендовало на некую исключительность, первородность. Не случайно мне никогда не хотелось его произносить. И еще я хотела ее мужчину, красивого и статного, которого она привела в его дом сразу после того знакового посещения ралли. Тогда Бусю опять пришлось подчиниться судьбе. Вместо ралли он теперь принял-

ся усердно посещать корпоративные совещания отцовской фирмы, куда скоро был принят экономистом. Да и как же иначе? Негоже зятю главы просиживать штаны и протирать локти на хлебобулочном заводе. Не комильфо. Он был принят в клан и обласкан. И это, разумеется, помогло ему сделать быструю карьеру. Я познакомилась с Бусем уже тогда, когда он носил только строгие темные костюмы, светлые рубашки, галстуки в тон и выработал кучерявую подпись, которую лихо выводил на деловых бумагах как член совета директоров. Я поклялась себе, что этот мужчина падет к моим ногам во что бы то ни стало, ведь если этого добьюсь, будут у меня и шубы, и бриллианты, и самые прятные курорты. Я с большим удовольствием забуду про все жестокости современного мира и сосредоточусь на самом приятном из того, что в нем есть. Шубу Бусь мне еще не подарил, но бриллианты уже имелись. Поездку на горнолыжный курорт в Куршевеле в январе, скорее всего, придется отменить, но я из-за этого совершенно не расстроюсь. К теплему морю мне хочется гораздо больше. И мы с Бусем обязательно полетим куда-нибудь в Акапулько, если все у нас получится, как запланировали.

На мысли об Акапулько я очнулась. Зачем я держу в руках мобильник? Ах да, я хотела позвонить Диме... Какая ерунда! Зачем мне сейчас Дима? Где такси, которое я вызвала еще в номере? Похоже, его нет уже минут двадцать... Опять взглянув на экран телефона, я в этом убедилась. Уже один-

надцатый час... Скоро вступит в свои права новый год, а я так еще не отъехала от «Альтаира». Теперь уже будет волноваться Бусь. Я уговаривала его купить телефон для связи вместо того, который он специально забыл дома, чтобы жена не могла ему позвонить, но он отказался. Он уверил меня, что у него для пущей убедительности не должно быть телефона вообще, а если уж очень понадобится созвониться, всегда можно попросить телефон у прохожего, хорошо заплатив за звонок. А мне он купил дешевую мобилу, с которой я уже отослала сообщение. Seriously заплатить пришлось за то, чтобы номер этого телефона не определялся.

Черт возьми, уже столько времени, что Бусь, пожалуй, мог бы мне и звякнуть по телефону прохожего! Совершенно раздраженная и разнервничавшаяся до неприличного дрожания рук, я набрала номер службы такси.

– А что вы хотите, девушка?! – ничуть не смутилась диспетчер, когда я спустила на нее всех собак. – Праздничный день! Весь город перемещается с места на место! Этого следовало ожидать! Всюду пробки! – Потом она, видимо, связалась с водителем и уже более спокойным голосом сказала: – Машина подъедет минут через пять. Ждите. И... С наступающим вас Новым годом!

Я не собиралась любезничать с ней ответно. В ее служебные обязанности входило осуществление вежливого обслуживания клиентов, а я в данный момент находилась вне всяких служебных обязанностей и потому просто нажала кноп-

ку разъединения. Обойдется и без моих поздравлений, не развалится!

Мелкий дождь продолжал лить, словно сквозь сито. Черт! Черт! Черт! Дороги наверняка скользкие, как вымазанные маслом... Только бы с Бусем не случилось ничего непредвиденного!

Очень скоро я почувствовала, как по лицу текут водяные ручейки. Я вытерла щеку рукой, она сделалась черной. Во как! Тушь поехала! Представляю, на кого я сейчас похожа! Пришлось вытащить зеркальце. Из него на меня глянула особа, сильно смахивающая на испитую профессионалку, подрабатывающую на трассе. Осталось только поднять руку и начать голосовать.

Я вытерла со щек потеки туши, слегка взбила просевшую под тяжестью мириадов дождевых бисерин прическу и стряхнула воду с шубы. Собственное настроение меня ужаснуло. Не расслабляться! Подумаешь, мужской голос в трубке... Наверняка этому есть какое-нибудь самое простое объяснение... У нас все получится! У меня еще будут шубы! Не чета мутоновому манто!

В этот момент к крыльцу отеля, под козырьком которого я безуспешно пыталась скрыться от мороси, наконец подъехало яркое, как яичный желток, такси. Я села на заднее сиденье, пошире разложив полы шубы, чтобы, мокрые, они все же меньше мялись. В голову настойчиво лез этот неучтенный мужчина, который снял трубку. Кто он? Зачем он там?

Я вытасила мобильник, еще раз набрала номер и долго слушала гудки. Никто так и не отозвался. Как к этому относиться? Куда делся мужчина? Или его и не было, и все это только плод моего расстроенного воображения? Или он тоже... Нет! Хватит себя изводить! Ни к чему хорошему это не приведет! Приеду на место и... узнаю... Даже если и не узнаю, съездить стоит. Конечно, это опасно – я могу подвести нас обоих, но сидеть в номере больше нет сил. Впрочем... меня никто не увидит, а я смогу наконец правильно сориентироваться, а потом быстро вернусь к пункту ожидания.

Что если Бусь струсил? Нет, это невозможно... Надо успокоиться и подумать о чем-нибудь приятном. О чем? Ну... например, о том, как после нескольких лет размолвки я впервые ехала в квартиру сестры, которая была уже куплена на деньги мужа, а не отца. Мне, конечно, было абсолютно ясно: если бы этот муж не был бы мужем именно моей сестры, он никогда не заработал бы таких денег. Я тогда точно так же, как сейчас полы шубы, раскладывала по заднему сиденью такси широкую юбку летнего шелкового платья, которым собиралась наповал сразить мужа сестры. Квартира находилась в элитном комплексе «Жемчужная долина», который не так давно был выстроен на берегу Невы. Въезд в «Жемчужную долину» был отделен шлагбаумом. Приподнималась эта красно-черная балка для машин гостей комплекса только после переговоров вооруженной охраны с жильцами. Пройти на территорию можно было без особых сложно-

стей, а вот проехать – ни-ни!

Лифт дома, где проживала сестра с мужем, поражал воображение своим масштабом, зеркальными стенами и мягкими диванчиками. Квартира была не просто большой, а огромной, из пяти комнат и большого числа всякого рода и вида помещений, включая отдельные комнаты для сушки и глажки белья. В конце концов отец, видимо, понял, что гнусная однокомнатная квартирка в спальном районе у его родной дочери не делает чести именно ему, и помог мне купить вполне приличную двухкомнатную почти в центре города. Так вот: площадь большой комнаты моей квартиры, как мне показалось, равнялась комнате для сушки белья в квартире сестры. Обрадовать это меня не могло. Стиснув зубы от злости и очередного прилива жгучей ненависти, я рассматривала остальные достопримечательности ее жилища и думала о том, что если бы у меня были такие деньжищи, я бы обставила помещения совершенно по-другому. Сестре всегда не хватало вкуса. В тот день на ней был надет навороченный многоярусный и многоцветный брючный костюм. Я не понимала этого стиля, когда из-под одной вещи торчит другая, а из-под той – третья. В детстве у нас это называлось «из-под пятницы суббота» и подлежало осмеянию. Я так и не приняла этой моды, поскольку всегда была сторонницей элегантной простоты. Шелковое платье, которое я так берегла в такси, именно таким и было, простым и стильным: стального цвета, с облегающим лифом, который украшала всего

лишь изящная лодочка выреза, и с широкой струящейся юбкой. Я сразу увидела, что мое платье произвело на мужа сестры должное впечатление, что, разумеется, улучшило мое настроение сразу на несколько порядков.

В тот день праздновался день рождения сестры. Мы с ней любезничали друг с другом, делая вид, будто никаких недопониманий между нами никогда не было. Впрочем, многочисленным гостям до этого не было никакого дела. Ну... или мне так казалось. Я вообще плохо помню застолье, поскольку чаще, чем вокруг, смотрела в глаза мужчины, сидящего напротив. Сестра допустила серьезный стратегический просчет, когда посадила меня напротив мужа. Впрочем, тогда она еще ничуть не сомневалась в своей исключительной женской притягательности, а меня в качестве соперницы вообще не рассматривала. В качестве хозяйки она должна была координировать торжество, а потому не могла постоянно следить за нашими взглядами, да, собственно, тогда еще и не догадывалась, что за ними надо следить. А мы уже купались во взглядах друг друга. Мне казалось, что я чувствовала на своих щеках и обнаженной шее легкое дуновение его дыхания. Это было фантазией чистой воды, поскольку ширина стола, уставленного яствами, бутылками и низкими вазами с гортензиями, не позволяла уловить даже парфюмерных ароматов, исходивших от гостей. Тогда я находилась в эйфории предчувствия любви. Предчувствие всегда острее свершившегося, слаще и горячее.

После дня рождения сестры мы с Бусем, который тогда не мог бы даже представить, что когда-нибудь станет откликаться на подобное прозвище, не скоро смогли встретиться еще раз. Потом выяснилось, что оба искали повода, никак не могли найти достойного и, как часто бывает, встретились случайно. В винном отделе дорогого универсама. Я искала бутылку в подарок мужу моей приятельницы и никак не могла ни на чем остановиться, поскольку в алкоголе разбиралась слабо и боялась промахнуться.

– Здравствуйте, Анна, – раздалось над моим ухом. Его голоса я не узнала и с удивлением повернула голову. Передо мной стоял тот, о ком последнее время мне так сладко мечталось перед сном. Он очень импозантно выглядел в распахнутом черном плаще с шарфом, небрежно обмотанным вокруг сильной шеи. Живое воплощение обобщенной женской мечты. В руках он держал высокую коричневую ламинированную коробку с изображенной на ней бутылкой то ли коньяка, то ли какого-то другого крепкого напитка.

Мне хотелось выкрикнуть на весь магазин: «Наконец-то!», – но я лишь сдержанно поздоровалась и произнесла, указывая на коробку в его руках:

– Вы очень кстати! Мне тоже нужно выбрать напиток в подарок одному мужчине, но просто не приложу ума, на чем остановиться. Может, вы мне подскажете?

Я сознательно выделила голосом сочетание «одному мужчине». Откуда ему знать, что этот мужчина – муж моей при-

ательницы, который не вызывает у меня никакого романтического интереса. Мне с первой встречи хотелось заставить его ревновать. Пусть считает, что ему придется за меня побороться. Это сильно возбуждает мужчин.

Муж сестры повернул голову в сторону стеллажа с напитками, достал такую же коричневую коробку, какую держал в руке, и протянул мне со словами:

– Не прогадаете. Это лучший коньяк из тех, что мне приходилось когда-либо пить.

Я посмотрела на ценник и чуть по-мальчишески не прищипнула. Дело было даже не в том, что эта бутылка в данный момент мне элементарно была не по карману. Убогий Витька Погребняк, муж приятельницы, никак не заслуживал столь дорогого подарка. Я, сделав вид, что внимательно разглядываю надписи на коробке, попыталась придумать приличный предлог, чтобы не покупать этот коньяк, но Бусь вдруг сказал:

– Дороговато, конечно, но я заплачу, если вы на такую сумму сейчас не рассчитывали.

Я начала возражать, но он меня перебил:

– Потом отдадите... – и добавил: – Если захотите. – Затем бросил на меня жаркий взгляд и, улыбаясь, сказал: – Вашему мужчине не может не понравиться. Поверьте...

Я ответила ему не менее пламенным взглядом и пошла вместе с нарядной и довольно тяжелой коробкой к кассе. Поскольку я даже не вынимала из сумочки кошелек, мой

спутник заплатил за обе бутылки. Нелепость ситуации, когда один мужчина оплачивает подарок другому, меня нисколько не беспокоила. Теперь все, что касается меня, пусть беспокоит его.

В тот вечер я не пошла на день рождения к Погребнякам и даже отключила оба телефона: и стационарный, и мобильный, чтобы они не пытались меня разыскать. Объясниться с ними можно будет и позже, от них не убудет. Обе бутылки дорожущего коньяка остались у меня и были распиты позже, мной и им, тем, кто очень скоро стал моим Бусем. Я, правда, до сих пор не понимаю, почему этот напиток стоил таких бешеных денег. Впрочем, я не разбираюсь в алкоголе.

Когда мы вышли из универсама, муж сестры, разумеется, вызвался меня подвезти. Разумеется, я согласилась, и когда машина подъехала к моему дому, конечно же, пригласила его на чашечку кофе. Естественно, он согласился, поскольку не мог не почувствовать, что мое предложение – вовсе не дань вежливости, а недвусмысленный женский зов.

Мы начали целоваться уже в лифте. Нам мешали коробки с коньяком, и, если бы за них не было заплачено столько денег, возможно, бросили бы их на пол, возможно, даже разбили бы бутылки и, вдыхая пьянящие пары дорогого напитка, топтали бы осколки ногами до тех пор, пока не изрезали бы их в кровь, совершенно этого не ощутив. Впрочем, такие тяжелые бутылки, да еще и грандиозно упакованные, вряд ли легко бьются.

Я всегда была женщиной последовательной, несколько педантичной и очень брезгливой. Интимные отношения со своими поклонниками, переведенными в статус любовников, всегда начинала не с бухты-барухты, не от порога в пальто, а с обязательного романтического ужина. И даже если принимала ванну перед приходом мужчины, все равно после нашей с ним трапезы еще раз пользовалась душем и обязательно чистила зубы. Пока принимал душ тот, кого было решено допустить до тела, я уже лежала на заранее раскинутом на полкомнаты и застеленном красивым и чистым бельем диване и настраивалась на секс. Да, прежде мне всегда надо было настраиваться, чтобы удовольствие получил не только допущенный. Я была уверена, что такой уж меня устроила природа: несколько медлительной и плохо разгорающейся. Оказалось, что просто еще не встретила в жизни своего мужчину. С мужем сестры мне не надо было настраиваться, поскольку я была настроена на него уже давно, с самой первой встречи в кабинете отца. Сегодня в универсаме эта моя настроенность перешла в степень сильнейшего желания, а в лифте уже трансформировалась в такую страсть к мужчине, когда не до душа и не до застеленного чистым бельем дивана. Все произошло прямо в коридоре. Раньше подобное я видела только в фильмах и всегда считала кинематографической натяжкой.

После такого бурного начала все потекло вообще в полном беспорядке относительно той последовательности, кото-

рой я придерживалась, когда принимала любовников у себя дома, чего я не могла с удивлением не отмечать на каждом последующем этапе. После коридорного интима, кое-как сорвав с себя растерзанную одежду, я отправилась в душ. Струи горячей воды, льющиеся на разгоряченное тело, не успокаивали, а возбуждали еще сильнее, и я с трудом держала себя, чтобы не выскочить из душа и не броситься снова в объятия мужчины, который впервые в жизни разбудил во мне настоящую женщину. Очевидно, этот мужчина испытывал те же чувства, потому что пришел ко мне в ванную, и там мы продолжили то, что начали в коридоре.

Потом был ужин. Отнюдь не романтический. Я включила чайник, и пока он грел воду, достала из хлебницы полузасохшую нарезку батона, чтобы приготовить бутерброды. Сыр и колбасу я кое-как порубала на части, будто мы собирались закусывать не на цивильной кухне, а где-нибудь на бугорке посреди леса. Мой мужчина в этот момент открывал бутылку того самого элитного коньяка из коричневой ламинированной коробки. Мы вполне могли бы сесть за стол и спокойно перекусить, но почему-то с жадностью ели стоя, запивая все дорогущим коньяком, который, наверно, надо было пить наперстками. Однако мы пили прямо из бутылки большими глотками, совершенно забыв о согревшемся чайнике.

После опять был жаркий секс уже в комнате. Мы, конечно, нашли в себе силы оторваться друг от друга, чтобы раскинуть для пушшего удобства диван, но бельем его застилать

не стали – жалко было терять на это драгоценное время. Покрывала и декоративных подушечек было вполне достаточно. Когда все было кончено, совершенно обессиленная, обездвиженная и обескураженная, я лежала, вытянувшись рядом с мужчиной, и с наслаждением вдыхала его запах. Такого со мной еще не было никогда. Возможно, все дело в химическом сродстве тел, их оболочек – человеческой кожи. Они либо гармонируют, либо нет. Либо сочетаются и сплавляются в единую ткань, растворяясь друг в друге и обновляясь, либо ничего не происходит. Как ничего не происходит, когда неисправна вилка электрического прибора или перепутаны контакты на распределительном щитке. Но когда механизм срабатывает – а сегодня он сработал, – тогда раскалывают небо стрелы и пылают леса. И пусть я проживу до девяноста лет, выйду замуж, рожу пятнадцать детей, второй такой ночи у меня не будет – не брызнет осколками мир, не сторит у меня на глазах.

Но даже в тот момент запредельного физического счастья я отдавала себе отчет, что особый вкус и терпкость происходящему придавал элемент преступления, запрета. Заповедь «Не возжелай жены ближнего своего», безусловно, вбирала в себя и другие варианты, включая: «Не возжелай мужа сестры своей». Я не только возжелала мужа своей сестры. Я предалась с ним любви и убеждена была, что не в последний раз.

Сначала я думала, что являюсь для него просто очередной любовницей. Конечно, он говорил мне, что я особенная, не

похожая на остальных, самая-самая, что ничего подобного у него не было никогда в жизни, но я на подобные мужские клише уже давно не покупалась. Подобные слова мне уже говорили мужчины, которых жизнь приводила в мою постель. Их у меня было не слишком много, но никто из них оригинальностью не отличался. Возможно, им казалось, что после таких определений женщина непременно захочет им соответствовать на все сто процентов и примется учинять им какие-нибудь особо изощренные праздники плоти. Ни один из моих предыдущих мужчин этого от меня так и не дождался. Я была уверена, что просто несколько холодновата по натуре. Оказалось, что я просто не хотела им устраивать никаких праздников, поскольку они все для меня были чужими. Моим мужчиной оказался муж моей сестры.

Когда мы познакомились поближе, я поняла, что Бусь говорил правду. Как он мне потом рассказал, сестра никогда не старалась для него в постели. Она только позволяла ему пользоваться ее телом в том объеме, в каком ему хотелось. Первое время он был этим счастлив. Он женился на нежной хрупкой девушке с ангельским лицом, и было бы странно, если бы она вела себя в супружеской постели, как бывалая проститутка. Но время шло, а поведение жены не менялось. Муж пытался намекать ей на то, что ему тоже иногда хочется особой ласки, похожей на ту, какую она получает от него в полной мере, но моя сестра не понимала, о чем он ведет речь, или, скорее всего, делала вид, что не понимает. Какое-то вре-

мя он пытался разбудить в ней чувственность, но, поняв всю бесплодность собственных попыток, завел себе любовницу и даже, как ему сгоряча показалось, обрел необходимое равновесие. У него наконец было все, чего только может желать мужчина: работа в солидной богатой компании, деньги, дом – полная чаша, дорогой автомобиль, красавица-жена, каждый пальчик которой ему все еще хотелось целовать, и любовница, которая еженедельно зацеловывала его с ног до головы. Потом его стала раздражать двойственность подобного положения. Нет, он вовсе не тяготился тем, что изменяет жене. Почти для каждого мужчины это является нормой жизни. Выводило из себя, что он хочет ту женщину, которая не хочет его. Целовать же ту, которая обожает его, у него не было никакого желания. Первым делом он сменил любовницу на другую, потом вторую – на третью, но ни одна из женщин, которые влюблялись в него, не вызывала в нем ответной страсти. Свою жену он скоро уже начал тихо ненавидеть. Она, конечно, догадывалась о любовницах, устраивала скандалы и даже несколько раз делала попытки отравиться. Разумеется, сестра глотала таблетки только тогда, когда в доме находилась домработница, чтобы на самом деле случайно не отойти в мир иной. Несколько раз Буся вытаскивали с важных совещаний, поскольку его жена находилась якобы при смерти. Потом ей промывали желудок, он покупал ей очередное дорогое кольцо или сумочку, и жизнь как-то налаживалась опять до того момента, пока сестре не приходило

в голову снова принять штук двадцать снотворных таблеток одновременно, поскольку муж продолжал ей изменять.

Конечно, я спрашивала Буся, почему он не ушел от моей сестры. Мне было любопытно, что он ответит, поскольку сама не сомневалась в причине, по которой он не желал с ней разводиться. От таких денег, которые ему принесла в клюве жена, не уходят. И Бусь не стал меня обманывать, что тут же пошло ему в плюс. Он сказал, что привык к обеспеченной жизни и начинать все заново ему не хочется, тем более что еще один шанс разбогатеть и зажить в свое удовольствие ему, безусловно, не выпадет. Деньги приносят не только материальные блага, они дают определенную степень свободы, а потому с истеричной и фригидной женой ему приходится мириться, как с неизбежным злом.

Когда умер отец, наследницей его состояния и фирмы, разумеется, стала моя сестра, и Бусь оказался прикованным к ней намертво. Конечно, я его понимала. Я давно уже не питала иллюзий и реально смотрела на вещи, а потому даже и не рассчитывала, что из любви ко мне мужчина может пожертвовать своим благосостоянием. Да мне и не нужны были такого рода жертвы. Мне Бусь нужен был только вместе со своими деньгами, то есть с деньгами жены.

На то, что мне может отойти какая-то часть отцовских денег, я тоже не рассчитывала, поскольку мне уже давно было указано мое место, но считать такое положение вещей справедливым, конечно, не могла и мириться с этим не собира-

лась. Если отец лишил меня всего, пусть меня вознаграждает мой любовник. Хотя бы за то, что ему со мной очень хорошо, и не только в постели. То, что обычно ему приходилось получать в разных местах и потом пытаться скроить из этих разрозненных частей некое подобие мужского счастья, он наконец нашел в отношениях с одной женщиной, то есть со мной. Мы были созданы друг для друга, но назвать наши отношения любовью я, пожалуй, не решилась бы. Одно время мне, конечно, казалось, что именно любовь осенила нас своим крылом на дне рождения сестры, когда мы, сидя за праздничным столом, посылали друг другу призывные взгляды поверх густых венчиков гортензий, но сейчас я понимала, что нас связывает воедино и намертво нечто более сильное: страсть и ненависть.

– Приехали, – услышала я голос таксиста и удивилась тому, какая бездна воспоминаний может пронестись в голове человека за время переезда из одного конца города в другой. Пока я вытаскивала и отсчитывала деньги, туманность воспоминаний окончательно рассеялась, и передо мной опять встал вопрос, что делать. Я уже сожалела о том, что приехала именно сюда. Пожалуй, мне надо было бы мчаться совсем в другое место. Я задумалась, совершенно забыв, что пора бы уже и расплатиться с водителем. Через несколько долгих минут, в течение которых таксист терпеливо дожидался денег, я буркнула ему:

– Подождите меня здесь. – И вышла из машины.

Раздумывая, не подняться ли мне все же в квартиру, раз уж все равно сюда приехала, я машинально подняла голову к знакомым окнам. Мне показалось, что в них в это самое мгновение погас свет. Или они и были темны, и в стеклах мелькнул всего лишь отблеск фар проехавшей по проспекту машины? Кто теперь может это сказать?

Я продолжала вглядываться в окна. Они по-прежнему были темны, но в одном из них мне почудилось какое-то движение. Возможно, это отбросили в сторону занавеску, чтобы наблюдать... За кем? За мной? Не может такого быть! Откуда кому-то знать, что за мной надо наблюдать? Кто вообще мог знать, что я именно в это время подъеду к дому на такси? Я сама об этом не знала еще полчаса назад! Похоже, там два лица... два светлых пятна за стеклами... Или это мое воображение чрезмерно разыгралось? Пожалуй, я не смогу подняться и позвонить в квартиру... И что же тогда делать? Тогда надо...

Я решила больше не тратить времени на ненужные размышления, села обратно в такси и сказала:

– Пожалуйста, высадите меня на параллельной проспекту улице.

Таксист кивнул, и мы поехали. Выйдя из машины, я, чуть-чуть пробежав вперед, заскочила в вовремя остановившийся автобус. Никто больше не должен меня разглядывать. Таксисты очень наблюдательны – я больше не поеду в такси. В автобусе я не привлеку ничего внимания. Опаздывающие к

праздничному столу заняты только собой. Им не до меня.

Игорь

Без четверти два в мою захламленную каморку ввалился главный редактор нашей газеты Ларкин. У него была маленькая голова с пухлыми вислыми щеками и коротенькие ножки. Широкую грудь, выпирающую из лацканов темного строгого костюма, всегда обтягивали кипенно-белые рубашки. Из-за неизменного черно-белого гардероба, а также из-за привычки резко, по-птичьи, наклонять голову, Ларкина прозвали в редакции Пингвином. Он застыл перед моим компьютером.

– Последний абзац никак не дается, – отвечая на незаданный вопрос, промямлил я.

– И что? Это повод испортить нам встречу Нового года? – Пингвин склонил голову, словно клюнул воздух.

Когда-то кто-то сказал ему, что его слова всегда полны сарказма, и Ларкин, уверовав в это, сознательно окрашивал свою речь преувеличенно патетическими интонациями.

– Еще десять минут, – попросил я.

Мое сердце билось тревожно и неровно, одежда липла к телу. В комнате стояла ужасающая духота: фрамугу заедало, а кондиционер мне не могли починить уже неделю.

– Я сделал неправильный вывод из нашей беседы накануне, что ваша статья готова? – выдержав паузу, спросил Ларкин.

Все три года моей службы в редакции главный планомерно подтачивал мою веру в силу журналистских выступлений. Он считал, что наша задача проста – не упускать сколько-нибудь значимых в городе событий и объективно излагать их, но статьи не должны напоминать предварительных дознаний, а интервью – перекрестных допросов. Факты – вот альфа и омега любого материала! Но мне казалось, что факты подобны бабочкам. Их так трудно поймать, а будучи пойманными, нанизанными на иголку и внесенными в каталог, они часто лишаются всей своей привлекательности. Я горячо спорил с шефом. Поединок двух журналистов обычно заканчивался вымарыванием наиболее острых, на мой взгляд, абзацев и лишением меня премии.

– Вы должны наконец понять, что ваша неистовость ни к чему не приведет, – наставлял меня Пингвин. – Она напоминает мне шаманские заклинания, просто-таки отчаянные попытки вынудить высшие силы как-то проявить себя в наших маленьких делишках. Должно быть, в вас говорит провинциальная зависть к идейным вдохновителям прошлых революций. Увы, мой друг, времена не те!

Сегодня я понимал, что настаивать на своем не стоит. Я задерживал и главного, и технический отдел – впереди небольшие новогодние каникулы, и всем не терпится поскорее опрокинуть по стопочке за грядущие праздники, закусь лимончиком и разъехаться по домам, где уже наверняка витают соблазнительные ароматы кулинарных сюрпри-

зов к новогоднему столу. В общем, я распечатал статью как есть и, крайне недовольный собой, вручил Пингвину. После недолгих посиделок с коллегами я отправился домой в самом скверном расположении духа.

За рулем нашего с Лизой раритета, «Волги-24», купленной по случаю за пятьдесят тысяч и доведенной волшебником Жориком Караяном до совершенства, я размышлял о том, что в последнее время привычное мироустройство вокруг меня как-то разладилось и расплзлось прорехами, будто ветхая ткань. Я потерял смысл. Чего? Возможно, своего существования. Все сместилось, вышло из пазов и раздражало именно своей бессмысленностью. То есть раньше, когда я говорил человеку «хорошего дня», мы оба чувствовали, что день и вправду будет неплохим. Нужные книги приходили в руки и открывались на нужной странице. Нужные люди встречались на пути в нужный момент. Я был на своем месте, и окружающие меня – друзья, коллеги – составляли со мной цельный, единственно возможный в своей уникальности союз. Тихое волшебство судьбы. Теперь все изменилось. И кто в этом виноват? Вечный вопрос русского интеллигента. Провинциального интеллигента, поправил я себя. Возможно, Ларкин прав, и я всего лишь неисправимый романтик, неудачник, вечный студент?

После окончания Краснодарского университета я несколько лет проработал на кабельном телевидении в родном Пятигорске – достаточно долго для того, чтобы почув-

ствовать, как мной овладевают разъедающие душу самодовольство и успокоенность. Вначале приглушенная (и, казалось бы, беспочвенная) неудовлетворенность, привкус которой стал отравлять все, чем я бы ни занимался, постепенно охватывая весь мой мир, превратилась в некую духовную клаустрофобию. Именно это стало выталкивать меня в большой город – в мир расширяющихся горизонтов. В результате невероятных усилий и больших утрат (друзей и огромной квартиры) мы переехали в питерский пригород, в крошечную квартирку трехэтажной обшарпанной «хрущевки». Работа поначалу радовала, и я, напиваясь воздухом Большого Города, чувствовал себя взявшим тайм-аут чемпионом, которому уже рукой подать до вершины.

Со временем пришло понимание, что бои местного значения, которые я достаточно профессионально, как мне казалось, вел с тайными интригами и бюрократической ревностью ведомственных служб, ничего не меняют в облике города и жизни городских муравьев. Я показывал им ярко раскрашенные картинки, восковых кукол, марионеток, участвующих в шарадах, и только. Истинный смысл их жизни ускользал от меня, потому что все мои многочисленные познания были книжными, а повседневный опыт давал мне лишь те крупинки, те жалкие обрывки сведений, что подбирает в чужой стране турист. Почти все мои коллеги, помимо Ларкина, не упускали случая дать понять, что отсутствие некоторого цинизма объясняется каким-то существен-

ным изъяном в моем организме, с чем приходится считаться как с неприятной неизбежностью.

Лиза, моя жена, изо всех сил старалась поддержать и утешить меня. Она говорила, что работа в почти столичной газете – удача для провинциального журналиста, а когда судьба посылает нам подарок, то заворачивает его в проблему. И чем в большую проблему она его заворачивает, тем больший подарок скрывается под оберткой.

Когда я вернулся домой, Лиза с Игнашей уже уехали к Караянам. Этот Новый год мы решили встретить у них на даче – к восторгу Игната. Их дом, построенный и до мельчайших деталей отделанный Геворгом (все называли его Жориком), напоминал старинный постоялый двор в английском стиле с настоящим каретным сараем, где размещался гараж. Геворг работал в крупной строительной фирме, был влюблен во все английское, прекрасно владел языком и, как только представлялась возможность, отправлялся с женой в отпуск в Англию. Двое их детей, к нашей зависти, заговорили на английском раньше, чем на русском и армянском.

Мы как-то сразу подружились с Жориком и Кариной три года назад, в поезде, который вез всех нас из Пятигорска в Петербург. Караяны возвращались от родственников, а мы с Лизой перевозили на новое место жительства вещи, не вошедшие в уже отправленный ранее контейнер.

Жизнь даже питерского пригорода после тихого и несколько сонного Пятигорска показалась Лизе чересчур

бурной, перенасыщенной и чрезмерно громкой. Ее утомляли улицы, переполненные снующими взад-вперед угрюмыми людьми, ей казалось, что многие из них замышляют что-то недоброе против нас и нашего сына. Поселившаяся в ее сердце тревога в конце концов переросла в страх темноты, который Лиза и сама считала по-детски глупым. Тем не менее стоило солнцу скатиться за горизонт, она поспешно зажигала свет во всех помещениях нашей двухкомнатной квартирки. Возможно, жильцы дома напротив, в окна которых беспощадно била Лизина иллюминация, считали, будто мы каждый вечер устраиваем приемы, чем наверняка здорово раздражались.

Уходя из дома, Лиза никогда не утруждала себя тем, чтобы гасить свет по очереди во всех комнатах. Она просто открывала щиток в коридоре и опускала рубильники двух автоматов. Зная это, я сунул руку за дверцу щитка, поднял рубильники, и квартиру тут же залил яркий свет. Дверь в гостиную была приоткрыта, и я сразу увидел наряженную елку. В этом году Лиза сменила ее разномастное убранство на одинаковые ярко-красные блестящие шары. Мне было жаль старых смешных игрушек, многие из которых остались со времен нашего с Лизой детства, но я не мог не отдать должного новым шикарным украшениям. Старую гирлянду из лампочек в виде разноцветных снежинок жена тоже сменила. Теперь елку обвивали тонкие сверкающие нити. Это выглядело настолько стильно, что наше деревце вполне могло бы

достойно украсить зал какого-нибудь недешевого ресторана. Правда, за два дня, что елка простояла у нас дома, она слегка привяла. Вокруг нее на полу валялись сухие иголки. Лиза каждый день выметала их, но они падали снова, и я находил в этом какое-то щемящее и странное удовлетворение – поскольку это было правильным и закономерным. В конце концов, потеряв блеск и роскошную мишуру, елка окажется лежащей в глухом прямоугольнике двора. И это точнее, чем календарь, обозначит нам, что год минул и, как вихрь, налетел следующий; что за разной нелепой кутерьмой непоправимо и безвозвратно пролетело время.

На столе, накрытом бежевой кружевной скатертью, лежало несколько свертков, упакованных в разноцветную блестящую фольгу. Свет елочных гирлянд отражался в фольге, дробился в ее складках, и свертки напоминали огромные драгоценные камни. К каждому свертку с подарками была приколот записка с именем и прозвищем того, кому предназначался подарок, например: домовенок-Каринка, Давид-ворчун, Жорик-Аладдин. К стоявшей рядом початой бутылке виски была прислонена грифельная доска Игната, на которой Лиза написала мне послание:

«Мой дорогой неисправимый Дон Кихот! Карина заехала за нами пораньше, чтобы я помогла ей с праздничным столом. Сейчас сидит внизу в машине, ждет нас. А ты захвати, пожалуйста, подарки. Я их специально оставила дома, чтобы вручить только с боем

курантов и раньше времени не смущать детишек!

Постарайся приехать к нам еще до наступления следующего года!!! Ждем!

Целую, твоя Лиза».

Внизу рукой Игната был пририсован сильно заваливающийся на бок полосатый кот, какового я узнал только потому, что сам учил сына рисовать кошек. Надо заметить, что я очень плохой рисовальщик, и потому Игнатовы коты всегда получались весьма уродливыми. А этот, который исключением не стал, явно был готов зарыдать. Под рисунком Игнат написал: «Это папа». Впору было подивиться детской прозорливости. Внутренне я рыдал.

Я любил их обоих без памяти, а о том, что Лиза станет моей женой, мечтал с детства. Милая Лиза... Она вызывала во мне непроходящую, мучительную нежность. Хрупкая, невесомая, она будто парила над землей, а я рядом с ней казался себе слишком тяжеловесным, слишком неуклюжим. Легкая, воздушная, фантазерка, искрящаяся весельем, она была в то же время и очень земной, и практичной. Она была мудрой, моя Лиза. Парадоксально мудрой, вопреки здравому смыслу. То, что она говорила, в чем уверяла, порой казалось бессмысленным и бестолковым, но потом становилось совершенно очевидным, что именно одна Лиза и была права. И от каждого ее очередного провидения и предвидения у меня всякий раз тревожно билось сердце, и хотелось удержать в душе этот миг погружения в безоглядные Лизины да-

ли. Но потом эти дали опять затягивались туманной дымкой, я снова возвращался на землю и снова начинал подвергать сомнению доводы жены и пренебрегать ее советами, тем более что и сама Лиза уже не парила над буднями, а распорядилась сиюминутными делами, обыденными и привычными.

Крутя в руках ярко-оранжевый сверток с подарком, я вдруг вспомнил, что впервые увидел Лизу с рыжим апельсином в руке. Нам было по десять лет...

Мне сразу захотелось опуститься на диван, закрыть глаза и предаться сладким воспоминаниям, но я понимал, что времени на это у меня нет.

Я отыскал на антресолях корзину из ивовых прутьев, которую нам как-то подарили Караяны. Мы никак не могли найти ей применения, и я обрадовался, что сегодня могу дать понять Карине – их подарок служит нам самым замечательным образом. Я сложил подарки в корзину, затем тщательно побрился, чтобы дамы, которым предстояло поздравить меня с Новым годом, могли ощутить бархатистость моих щек. Вылив на себя чуть ли не четверть флакона туалетной воды, запах которой особенно любила Лиза, я вышел из дома.

Погода была такой сырой, как будто стояла осень. Всю первую половину декабря держались морозы, выпал снег, но обрадоваться настоящей зимней погоде под Новый год мы не успели – внезапно наступила отвратительная, нездоровая оттепель. Нечто неприятно маслянистое падало на асфальт, растекалось по нему тонкой пленкой, и блестящая скользкая

мостовая, отражающая многочисленные праздничные огни, была словно подернута гигантской липкой паутиной. На каждом дорожном спуске свет фар утыкался в жидкий молочный суп. Я подумал, что ехать к Караянам будет небезопасно. Настроение испортилось окончательно.

А улицы города были заполнены веселыми людьми, которые не обращали никакого внимания на декабрьскую мокрядь. Одни направлялись в магазины, чтобы купить то, что по какой-то причине забыли. Другие с довольными лицами торжественно несли домой покупки в нарядных пакетах с красноносыми Дедами Морозами и румяными Снегурочками в кокошниках. Особенно много народу было возле уличных «развалов» с мелким товаром и сувенирами. Я бросил ревнивый взгляд в сторону газетного киоска. Возле него не было ни души. Да, конечно, в данный час людей интересовало разве что, кто из соседок по застолью наденет платье «от-кутю», какой новый салат выставит хозяйка, да какой подарок найдешь в полночь под елкой. Я только вздохнул от досады.

После поворота с главной городской улицы я включил радио. Органная музыка напомнила мне о протестантской церкви в Пятигорске – симпатичный домик, с крышей, обитой дранкой, с круглыми окнами, – куда водила меня в детстве бабушка и где настоятель прихода отец Аристарх, маленький суетливый грек, дал мне впервые прочесть Библию. Перед моими глазами встал образ преподобного отца с лы-

сым, странно заостренным черепом. А вообще он напоминал старого доброго клоуна, его потешные ужимки, должно быть, весьма веселили Господа Бога. Когда Аристарх начал песнопение, его вставная челюсть то и дело выскакивала изо рта, и он коротким отработанным движением отправлял ее на место.

В Пятигорске, как сообщал метеопрогноз, сейчас выпал снег и, несмотря на яркое зимнее солнце, держался уже три дня. Жалко, что сейчас я нахожусь за тысячи километров от него. В этот вечер мне казалось, что тихий уютный городок у подножия Машука – единственное место в мире, где чувствуешь в себе силы не бояться грядущего года, пусть даже там выпал снег.

Дорога, усыпанная опавшими листьями, казалась непроезжей, но через несколько километров должно было начаться хорошее шоссе, и я рассчитывал уже через час добраться до дачных поселков Петербурга. Это было западное шоссе, и обычно я пользовался им, но поскольку времени было в обрез, а Караяны жили на севере от города, я решил выиграть время, найдя на карте путь покороче.

В конце концов я заблудился, оказавшись в каком-то заводском квартале Питера, меня окружали закопченные стены и трубы. Плохо вымощенные улицы перерезали трамвайные пути; водители грузовиков поносили мою белую машину последними словами, и часть пути я был вынужден ехать по тротуарам, потому что на мостовой асфальт был вспо-

рот, виднелись канализационные трубы. Видимо, случившуюся аварию предотвратили, а закапывать и стелить новый асфальт собирались после праздников.

Я не имел ни малейшего понятия, где нахожусь. Вереница машин ползла, не останавливаясь, не давая мне никакой возможности выбраться из кабины и спросить дорогу.

Наконец, после многих поворотов и разворотов, я выехал на длинную, унылую улицу. Вокруг фонарей плясал туман, а обглоданные кустарники вдоль нее напомнили мне степные ковыли после пожара, которые я видел когда-то в детстве. Немногочисленные прохожие торопились быстрее попасть к своим новогодним столам. От этой картины веяло тоской, затхлыми запахами безнадежной жизни, давно утраченными иллюзиями.

Я устремился вперед. Улица растворялась в тумане, который в неопределенной перспективе становился разноцветным благодаря угадывающимся огням центральных улиц города. Я продвигался дальше. Позади огни, исчезая в тумане, становились все слабее, слабее от одного к другому – словно падал ряд костяшек домино.

Думая о Лизе, я старался угадать, какой наряд она выбрала для последнего вечера этого года. Я представлял ее смеющуюся, взбудораженную в уютной гостиной караяновского дома, занимавшей весь верхний этаж. Представлял себе, какой шум подняли сейчас около елки наши расшалившиеся малыши, пока женщины заняты приготовлением сюрпризов

и угощений.

Мы часто туда ездили – в разрастающийся дачный поселок, расположенный вблизи небольшого темного озера. Нам нравилась атмосфера дома, веселая суматоха семьи Геворга и Карины, гости наших друзей, которые приезжали с детьми на выходные или праздники – годился любой повод.

Мне стало хорошо. По радио передавали какую-то веселую музыку. Я надеялся, что еду правильно, но все же следил, чтобы стрелка спидометра не заползала за отметку в шестьдесят километров в час.

Красный свет. Я остановился. Справа от меня возвышался темный зубчатый силуэт многоэтажного новодела. За перекрестком улица была более оживленной. Магазины с яркими витринами придавали ей веселый вид.

Светофор замигал красным глазом. Сразу за перекрестком стоял большой черный «Вольво». Водитель только что вышел из него и, облокотившись о дверцу, повернулся лицом к движению. Казалось, он собирается перейти дорогу – путь был свободен, – но почему-то колеблется.

Когда зажегся зеленый свет, между мной и приковавшим мое внимание мужчиной у перехода было расстояние в несколько шагов. И я, тронувшись, тут же притормозил, потому что подумал, а не решится ли он именно сейчас перейти улицу. Но он по-прежнему продолжал стоять и только необыкновенно пристально вглядывался в меня. Отпуская педаль тормоза, сквозь лобовое стекло я поймал его

взгляд. Меня поразила напряженность и даже обреченность этого взгляда: голубые глаза широко распахнуты, словно в каком-то экстазе. В них было нечто неуловимое – страх, принужденность. Я уже приближался к этому человеку. И тогда он, отпустив дверцу, которая сама захлопнулась, неожиданно рванулся вперед, словно пленник от своих стражей. Чтобы очутиться перед моей машиной, странному пешеходу довольно было лишь шагнуть вперед. И он сделал это. Круглый глаз правой фары, брызнув золотистыми лучами, потух в его пальто. Руль передал мне удар. Вернее, это был даже не удар, а всего лишь легкий толчок. Я всем своим весом вдавил педаль тормоза. Машина остановилась как вкопанная. Все произошло так быстро, так молниеносно! Нервный спазм, от которого я задрожал, длился дольше, чем обмен взглядами. Через долю секунды придя в себя, я решил, что не произошло ничего серьезного. Не могло быть ничего серьезного! Человек отступил. Его не отбросило в сторону, он сам отступил. Но где же он? Может быть, отступая, зацепился каблуком за мостовую и опрокинулся на спину? Я подождал немного, надеясь, что он сейчас поднимется, но он все не возникал из-за капота, поэтому я вышел и обогнул свою «Волгу» спереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.